

О ВЛИЯНИИ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ НА ЯЗЫК НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

На территории СССР в настоящее время проживает около одного миллиона немецких крестьян, обычно называемых немцами-колонистами. По последним статистическим данным они населяют 2042 колонии, разбросанных по всему Союзу – на Волге, Украине, Кавказе, в Ленинградской и Новгородской губерниях, в Сибири и на Дальнем Востоке. Почти все эти колонисты переселились в Россию во время царствования Екатерины II и Александра I, т.е. находятся уже более 100 и 150 лет под влиянием другой культуры, другого языка. Но тем не менее, они до настоящего времени говорят на немецких наречиях, на которых когда-то говорили их прадеды, выходцы из Германии, Австрии, Швейцарии и Эльзас-Лотарингии. Это не значит, что эти говоры не подвергались изменению в течение 150-летнего пребывания колонистов в России: во-первых, произошло смешение говоров при заселении колоний представителями из разных местностей Германии; это же явление неоднократно имело место при основании так называемых Tochterkolonien выходцами из Mutterkolonien. Во-вторых, хозяйственное и общественное развитие немецкой колонии, пересаженной в конце XVIII и начале XIX вв. с более высокого культурного уровня в Россию, должно было идти по другому руслу, чем развитие деревни в Германии. И, наконец, в-третьих, разбросанные маленькими островками среди русского, украинского и т.д. населения, колонисты, несмотря на свою тенденцию к национальной замкнутости, являющуюся продуктом русификационной политики царизма, не могли не подвергаться влиянию культуры и языка окружающих их народностей; особенно это относится к русскому языку. Но тем не менее, элементы немецких диалектов XVIII в., может быть, нигде не сохранились с такой чистотой, как в языке колонистов в СССР.

Вопрос об изучении говоров немцев-колонистов и влияния русского языка уже давно стал предметом интереса общественно-политических и лингвистических кругов.¹ Первые попытки научного исследования относятся к 1910 г., когда шульмейстер Георг Кромм из колонии Ягодная Поляна, Саратовской губ. и уезда, опубликовал в Германии ряд диалектологических материалов², использованных О. Бегагелем в своей «Истории немецкого языка». Перед войной А. Лонзингер собрал материал по 40 предложениям Венкера в поволжских колониях. Но на действительно научном фундаменте и в широком масштабе изучение говоров колонистов было предпринято проф. Саратовского Госуд. Университета, Г.Г. Дингесом. Организованный несколько лет тому назад, при поддержке правительства Немреспублики Диалектологический центр под руководством Г. Дингеса ставит себе целью всестороннее обследование немецких говоров Поволжья и создание словаря³. Аналогичный диалектологический центр создан в Ленинграде под руководством проф. В.М. Жирмунского, он ставит

¹ См. напр. 1) „Немецкий вопрос в России“ (перед. ст.) в „Москва“ 1867, №№ 62, 63, 64; 2) „Немецкий вопрос в России“ (перед. ст.) в „Московск. Ведомости“ 1867, №№ 116, 144, 154, 169, 170, 181 и 208 (Полемика с „St. Petersburger Zeitung“ и др. нем. газ.); 3) Цветаев, Дмитрий Владимирович: Обрусение западно-европейцев в Московск. Государстве. Варшава, 1903, 23 стр. (отд. оттиск из Хр. Варш. Епарх. Вестн. 1903); 4) Несколько слов о народности нем. колонистов Саратов. губ., „Сарат. Губ. Вед.“ 1858, №№ 18-19 (о языке); 5) Работы А.А. Велицына и др. об ист. иностран. колонизации.

2 „Schottener Kreisblatt“ 1910, № 15-24.

3 См. статьи Г.Г. Дингеса: а) Zur Erforschung der wolgadeutschen Mundarten (Ergebnisse u. Aufgaben), in: „Teuthonista“ Jg. I, Heft IV vom 1. Juli 1925, стр. 299-313, Bonn; б) „К изучению говоров Поволжских немцев“ (Результаты, задачи, методы), „Ученые записки Саратов. Гос. Ун-та“, том IV, вып. 3. 1925.

себе целью исследование говоров колоний Украины и Черноморской области¹. Не меньше интереса к немецким говорам колонистов было проявлено, естественно, в лингвистических кругах Германии. Из записей диалектологических материалов у военнопленных колонистов вышли две весьма интересных работы: Вольфа фон Унверта и Георга Шюнемана². Кроме того, германские университеты командировали за одно только лето 1926 г. не менее 5-6 специалистов-диалектологов в колонии на Украине, Кавказе, на Волге и в Сибири.

Все перечисленные здесь лингвистические круги изучают говоры колонистов главным образом с точки зрения германской диалектологии (школа Вреде) вообще. Что же касается вопроса о русском влиянии, то пока имеется лишь одна неизданная работа о влиянии русской речи на язык немцев Поволжья до мировой войны (кандидатское сочинение Г.Г. Дингеса по ист.-филолог. фак. Московского Ун-та). В этой интересной работе Г. Дингес подробно останавливается на истории и причинах, на носителях и путях русского влияния, на явлениях в области морфологии и синтаксиса заимствованных слов. Приложенный к сочинению этимологический словарь, содержащий все известные тогда автору заимствования, насчитывает около 800 слов. Там же Г. Дингес установил, что в области звуковой еще не удалось заметить влияния русского языка и что, чем сильнее русское влияние в какой-либо области материальной культуры, тем сильнее и влияние языка. – Это явление, конечно, правильно не только по отношению к влиянию русского языка, но также и украинского, молдавского, татарского, грузинского и киргизского языков на говоры колонистов. В области смешения языков говоры колони-

¹ См. статью В.М. Жирмунского: Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien (о говорах), in: „Zur neuen Schule“ № 14/15, Moskau, Juli-August 1926, S. 45-57.

² Unwerth, Wolf von: Proben deutschrussischer Mundarten aus den Wolgakolonien u. dem Gouvernement Cherson. Berlin, 1918, 94 S. (Abhandlungen der Preussischen Akad. der Wissenschaften, 1918. Phil.-Hist. Klasse 11). Schünemann, Georg: Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. Mit 434 in deutschen Kriegsgefangenenlagern gesammelten Liedern. München, 1923, XII, 446 S. (Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft. 3).

стов в СССР поэтому содержат колоссальный материал, который, к сожалению, пока еще почти что не исследован.

Темой настоящего доклада я избрал вопрос о влиянии войны и революции на язык немцев Поволжья, т.е. попытаюсь в известном смысле дополнить работу Г. Дингеса. Причем я оговариваюсь, что не принимаю во внимание несколько сильно обрусевших колоний, а имею в виду нормальную (в отношении языка) колонию теперешней АССР немцев Поволжья.

Прежде чем перейти к влиянию войны, мне бы хотелось остановиться еще на двух характерных путях заимствований до войны, играющих большую роль и до настоящего времени. 1) *Огромная масса прозвищ у Поволжских колонистов* заимствована из русской речи. Дело в том, что в колониях почти каждое семейство, а иногда и отдельные члены семьи имеют кроме своей официальной фамилии или имени еще и прозвище. Искать когонибудь в колониях, не зная его прозвища, почти невозможно. Эти прозвища большей частью передаются по наследству от поколения к поколению, но нередко приобретаются и на военной службе, в школе, на вечеринках и т.д. Вот примеры таких прозвищ-заимствований: *синемоя* (колонист этот раз обратился к своему сыну „синемоя“ в присутствии русских и немцев; смех русских обеспечил ему прозвище, данное немцами навсегда); *ширтури* (в нетрезвом состоянии имел обыкновение говорить: „шире бери“);

гадорре (спрашивал у русских „гадорре голонге“ т.е. которой колонии); *кубегрей* (на военной службе топил куб); *флотскр* (когда-то служил матросом); *крисстарацр* (от „Христа ради“, когда-то просил милостыню) и т.д. и т.д. Таких прозвищ огромная масса. 2) Большую часть довоенных русских заимствованных слов нужно отнести – кроме заимствований из области общегосударственных организаций, титулов, чинов и т.п. – за счет технических изобретений и нововведений уже после переселения колонистов в Россию; это относится, главным образом, к железной дороге, пароходству, – вообще транспорту и средствам связи, – к сельскохозяйственным машинам и орудиям и т.д. Наименование этих предметов или понятий или передавалось по-русски через агронома, врача, учителя, сельского писаря, или же колонисты давали им свои, немецкие, по аналогии переносные названия. Так напр. паровоз – *Ofen* и пароход – *Schiff* (или браход), т.е. понятия XVIII в. – *печь* и *корабль* перенесены на предметы *Lokomotive* и *Dampfer* (слова, не употребляемые и неизвестные колонистам).

I.

Если немцы Поволжья в течение 150-летнего пребывания в России (1764–1914) до начала мировой войны заимствовали лишь около 800 русских слов, то с момента объявления войны темп заимствования быстро ускорился. Немецкие газеты перестали выходить, немецкая речь была запрещена. Проводились частые мобилизации, появлялись приказы военного ведомства, приходили письма с фронта, вести о военных событиях – и все это на непонятном колонисту русском языке (около 90% поволжских колонистов не знает русского языка). Приезжали первые отпускники и рассказывали о массе новых вещей, о которых колонист, благодаря своей замкнутости, до этого и понятия не имел: *пулемет, окопы, мобилизация, наступление, отступление, свидетельство, позиция, посылка* и т. п. слова мигом переходили из уст в уста и завоевывали себе право гражданства в немецкой речи колониста. Оживление делопроизводства сельского правления, с которым колонист-крестьянин раньше соприкасался довольно редко, также помогло внедрить в речь немцев-крестьян ряд русских слов и выражений. Для иллюстрации я привожу речь форштегера (старосты), сказанную им в 1916 г. перед собравшимся сходом (записана мною в то время; приказ о запрещении немецкого языка в учреждениях и публичных местах не был проведен со всей строгостью из-за незнания русского языка у колонистов). Форштегер говорил: *ir laid! haid is'n brigas kum fum voinsknačalnik un ogrug, dass di belebilednikar uf's gomisjə missə, im brigas is's a g'sād, dass's vexər semēnə boləšenjə ke fr̩msdixuŋ mē gid, dr segreder lēsd aix jets'n sbisog runnər, ver als drbai is; morjə missə dann di forg'lēsna uf's sdansjə un fun do ins ujesd fārə: Essə un obmundirovanjə gr̩d'r eršd vān'r ins časd kumd, un do roud ix aix, broviand un di nedixšt adjošə mitz'nemmə; van'r fum gomisjə ivənomm said, gēd'r uf'n berəsilnə punkt un fun dort ins časd; ix bid aix ir laid, dr načalstvə im tsux šēn tsə g'horxə. Vu ke arvaidr mē in dr fomiljə blaiht, kr̩n di kinnr bosobjə. šraib'r, lesd d'r sbisok for!*

Из этого маленького своеобразного обращения форштегера видно, какие русские слова заимствовались преимущественно *в тылу* во время войны. Новая струя заимствований открылась с приездом волынских колонистов-беженцев; сами по себе волынцы знали русский язык не лучше волжан, но они соприкасались с театром военных действий, затем проделали длинный путь через всю тогдашнюю Европейскую Россию и главное – они научили волжан гнать *самогона*. В 1917-18 гг. поволжские колонии представляли собой чуть ли не один сплошной винокурный завод; завязались более оживленные сношения с окружающим русским населением. Первым советам, образовавшимся весной 1918 г., стоило немало трудов искоренить курение самогона. – Но

образовавшаяся во время войны каста спекулянтов в колониях продолжала свое дело и в первые годы революции. Развозя немецкий табак, муку и масло по городам Юго-востока и привозя в колонии остатки мануфактуры и вообще нужные для деревни товары, эти спекулянты в течение нескольких лет были значительными носителями русского влияния в колониях. Слова *зажигалка, бензинка, товар, бичевка, лавка, рубашка, обыск, зайчиком, лавочка* (в вагоне) и проникновение ряда других русских слов в немецкую речь произошло через этих спекулянтов. У самих „мародеров“-колонистов речь, естественно, еще более изобиловала русскими заимствованиями. Так напр. один колонист обратился к своему товарищу (у пристани в Саратове): *Vod kum, do is dr brīsdan; sai'n bisjə vosdrə, dass mr's braxod basbejə.*

Или вот краткий рассказ одного такого спекулянта о случае, имевшем место на Саратово-Покровской переправе (записан летом 1917 г): *ix sin am noməda uf'm klēnə braxodjə ivr di Volgə gfār; alləs var bidgom nabitə. Uf ēmoul rufd 'n saldadjə "graül", mr hä't'r's geld g'krallt. Si hat drbai uf'n frundovigsaldad hingəvīs und gsād der hēt's geld. Die milits hat obisgə g'max un had āx rixdix 'n gošəlog g'fun, avər der frundovig saldad had gsād, 's ver sai aixnr; di saldadjə hañ 'm avər nit g'glabd un han'n ins vassr g'mis. No finf minud had di saldadjə avər uf ēmoul ir geld gfun; si had's in irəm šamədanjə kat. Avər jets hetr moll dī saldadjə sīn sellə, vi di bēs gin sin un han di saldadjə āx ins vassr gmis; die frā had g'krēšd un g'molitst, aver s'had alləs niks g'holf; das var tsu gruslix!*

Но самое сильное влияние русского языка шло через солдат-колонистов, служивших (около 100 тысяч) в русской армии. Солдаты и до войны были носителями русского влияния, но довольно слабыми; до введения всеобщей воинской повинности колонисты вообще не служили, а потом их было слишком мало в общей массе колонистов, чтобы оказывать значительное влияние. Другое дело в 1914 г., когда огромная масса мужчин, в подавляющем своем большинстве не знавших ни слова по-русски, была вырвана из вековой национальной замкнутости и попала в совершенно чуждую солдатскую русскую среду, побывав три года в этой чужой обстановке, повидав массу новых предметов, для которых в крестьянском обиходе не имелось даже названий; эта почти что стотысячная армия, по возвращении в 1917 г. на родину, приносила с собой сотни новых понятий, укоренившихся в памяти солдат на русском языке. Часть этих слов, естественно, удержалась не очень долго и со временем исчезала; они воскресают лишь иногда, когда бывшие солдаты рассказывают свои воспоминания. Другая часть этих слов перешла в немецкую речь и сейчас является уже твердым элементом языка колониста. На первой очереди русских заимствований, естественно, стоят названия воинских чинов, русского командования, термины строевого и фронтового быта, канцелярского языка и солдатского общежития. Вот примеры такого рода заимствований: *glavnə* (главный); *glavnəkomandšnə* (главнокомандующий); *bolgovnik* (полковник); *boručik* (поручик); *rodnə* (ротный); *svodnə* (взводный); *odelónə* (отделенный); *jevrēdr* (ефрейтор); *kamándujə* (командовать); *slabasilnə* (из слабосильной команды); *kamandə* (команда); *snag* (знак); *malidvə* (молитва – только русская молитва); *smirnə* (смирно); *smirnə maxə* (убить кого-нибудь); *ras-dva* (раз-два); *advajə, adva maxe* (ходить); *časovoi* (часовой); *devalnə* (дневальный); *radnik* (ратник); *sabasner* (запасный); *šesd* (честь – только в сочетании *šesd abgin* = отдавать честь); *sdroi* (строй); *smodr* (смотреть); *proverkə* (проверка: отсюда глагол *proveraijə*); *barabanšik* (барabanщик; барабан не заимствован); *arudjə* (орудие – только для пушки); *puləmod* (пулемет); *pagonə* (погоны); *bodingə* (ботинки); *abmotkr* (обмотки); *šinel* (шинель); *suknə* (сукно – только солдатское); *kadelok* (котелок – только солдатский); *kašəvar* (кашевар); *gasarmə* (казармы); *gub* (куб); *basilgə* (посылка – только по почте); *beləbilednə*

(белобилетный); *odbuskə* (отпуск); *vojenə* (военный); *štadskr* (штатский); *sanjadjə* (занятия); *nasnačənjə* (назначение); *slušbə* (служба – только военная); *denšik* (денщик); *boveročnə sbor* (поверочный сбор); *boi* (бой); *vojujə* (воевать); *rasvedgə* (разведка); *agobə* (окопы); *sdaršə* (старший); *badjonə* (поденно); *snamjə* (знамя); *staršə pisar* (старший писарь); *smenə* (смена); *otrad* (отряд); *berevjaskə* (перевязка); *lekārstvə* (лекарство – только жидкое); *sidelgə* (сиделка); *nosilgə* (носилки); *gradusnik* или *gradas* (градусник-термометр); *oberatsjə* (операция); *kalad* (халат); *barəvos* (паровоз); *debluškə* (теплушка); *davarnətsux* (товарный поезд); *pritsebkə* (прицепка); *kondukdər* (кондуктор); *strelošnik* (стрелочник); *rasbisanjə* (расписание); *svanog* (звонок – только на станции или в школе); *svidok* (свисток); *kipetog* (кипяток); *basadkə* (посадка) и мн. др.

Влияние русского языка продолжалось, конечно, и во время гражданской войны, хотя уже в гораздо меньшей степени; это по всей вероятности объясняется тем, что немцы Поволжья с самого начала революции имели свои национальные воинские части (с осени 1918 г.). Но тем не менее целый ряд заимствований относится к периоду гражданской войны, как напр. красногвардеец, белогвардеец, облава, налет, добровольцы, контрибуция, продотряд, карательный отряд, заградилровка, агитпоезд, затем название всех военкоматов и должностей в Красной Армии.

II.

Октябрьская революция и советизация немецких колоний Поволжья также принесли с собой ряд новых русских заимствований и новых словообразований. Если добрая доля из заимствованных до войны 800 русских слов относится за счет названий чиновников и правительственных учреждений, то понятно, что с падением старого правительства большая часть этих слов постепенно выходит из употребления и теперешнее молодое поколение многих из этих слов уже не знает. Зато Октябрьская революция, давшая немцам-колониатам на Волге освобождение от национального гнета царского правительства, спасшая их от выселения со двора и земли, принесла с собой новый поток русских слов в речь общественника и крестьянина-колониата. Дело в том, что верхушки немецкой интеллигенции на Волге, хорошо владевшие немецким литературным языком, после Октябрьского переворота либо эмигрировали, либо не принимали участия в организации новой советской колонии. Вся тяжесть – не только по организации первых советов в колониях, но и по руководству общественно-политическим образованием и пропагандой ложилась на товарищессу из русских партийных организаций и, главным образом, на среднюю и низшую немецкую интеллигенцию, прошедшую русскую школу; ей, как и рядовому общественно-партийному работнику-колониату, русский язык был гораздо ближе, нежели литературный немецкий. И новое революционное движение имело так много новых понятий, которые и перешли, в первую очередь, в речь колониата-общественника. Вот, напр., краткая речь делегата-колониата учредительного съезда Автономной Области немцев Поволжья (летом 1918 г.) перед собравшимся сходом.

G ə n o s s ə n ə r d a v a r i č ə !

Ix var, vi ir visst, no Saratov uf'n s'jesd kummandirt. Dort han ix erfār, dass mr jets'n Nemkom han, das hēšt'n aixəni rexiruŋ uf sovetskr načalə. 'S var'n gənosənər fum tsendr dou uf'm s'jesd, der hat uns di osnovə fun dr sovetskr rexiruŋ vrzēlt. Mir sin jets all drudjaščixər, un di rexiruŋ will unsr beštes. Mir missə di kulakə aus'm Kumité draive un'n savet vėlə, drum jets is vlasd na mesdax. Di eršdə sadačə fun dem najjə savet is, alle samagonnə-brennər fangə, dass des dairə broud for di golodajuščə arvaidər in di šdedt gšikt kann gin; sunšt kann di reflətsion nit dorxgfirt gin. Unser dorf had 'n narad uf 5000 bud krīt. Vi mr des insammlə sellə, do drivər hat der gənosənər N. aus Saratov 's vort.

Этому, как мы видим, довольно обильному заимствованию русских слов общественными работниками, читающими русские газеты, получающими распоряжения, воззвания, приказы из уездных и волостных административных учреждений на русском языке, вскоре была поставлена известная граница образованием автономной области. Издавались немецкие газеты, печаталась немецкая литература и т.д. Но тем не менее германизация аппарата оказалась невозможной в первые годы революции за отсутствием достаточно квалифицированных работников. Русские заимствования продолжались и, конечно, будут продолжаться все время. В первую очередь были заимствованы все названия вновь организованных правительственных, профсоюзных и партийных учреждений: все *отделы* (земотдел, здравотдел и т.д.), *исполком* (со всеми приставками), *совет*, *грамотдел*, *женотдел*, *ячейка*, *райпродком* (контрреволюционные элементы говорили *raidprodkom* – ездить верхом на ком-нибудь), *загс*, *ревком*, *ревтриб*, *совхоз*, *ясли*, *детдом*, *нардом* (контррев. элементы: *narodom* = дом дураков); *союз* (только в значении профсоюза); *немком* (немецкий комиссариат; контррев. элементы: *komnet* – иди, возьми: намек на контрибуцию в первое время революции); *председатель*, *член*, *помощник*, *представитель*, *тройка*, *пятерка*, *заявление*, *постановление*, *резолюция*, *повышение*, *статья*, *прописка*, *образование*, *сокращение*, *повестка*, *требование*, *смета*, *наказ*, *учет*, *отчет*, *договор*, *очередь*, *разряд*, *оклад*, *товарищ*, *свобода*, *чистка*, *смычка*, *собрание*, *кружок*, *комсомол*, *делегатка*, *пени*, *наряд*, *налог*, *разверстка*, *нагрузка* и т.п.

III.

Русское влияние после революции наблюдается не только на языке крестьян, но и в литературном языке немцев Поволжья. Немецкая культура, создающаяся сейчас в маленькой республике на Волге, по идейному содержанию, конечно, стоит далеко от буржуазной культуры Германии; она строится совместно с социалистической культурой русского пролетариата. Если поэтому раньше верхушки буржуазной интеллигенции (главным образом духовенство) в культурно-литературном отношении тяготели к Германии, то теперь колонисты являются членом семьи народов, объединяемых СССР, строящих свою новую, социалистическую культуру. Не этот один факт объясняет влияние русского языка на литературный язык колонистов, но и указанное уже выше явление, что немецкая интеллигенция, на долю которой выпала задача создания новой печати, новой литературы, воспитывалась в старой русской школе и в недостаточной степени владеет родным языком.

а) В первую очередь это влияние шло по линии наименьшего сопротивления, т.е. *простым заимствованием* известных слов, как напр. наименование учреждений, организаций, ЦИК, ГПУ, Совнарком и т.д. Насколько крепко подобные названия уже засели в голове колониста, можно судить по результатам кампании, проводившейся года два тому назад в печати немцев Поволжья за изгнание не только русских, но и всех „иностраных“ слов. Вместо *Republik* писали *Freistaat*; *Kooperation* – *Genossenschaftswesen*; *Konsumverein* – *Verbrauchsgenossenschaft*; *Sowet* – *Rat* и т.п. При этой „чистке“ не обошлось и без некоторых курьезов, имеющих себе равное наверно только в *Sprachgesellschaften* XVII и XVIII вв. Но это усердие некоторых товарищей ни к чему хорошему не привело: „очищенные“ слова теперь действительно оказались „иностранными“ для крестьян. (Этот „уклон“, кстати сказать, скоро был оставлен).

б) Вторым источником русского влияния является неуклюжий немецкий перевод с русского (главным образом на вывесках учреждений) и санкционированный многогодичным употреблением.

в) Третье – это страшное *изобилие генитивов*, свойственных, как известно, не немецкому, а русскому языку. Так напр. можно было читать в 1926 г. в „Nachrichten“ такие предложения: Die Deputierten des Parlaments der Vereinigten Staaten von Nordamerika der liberalen Partei des Senators der... Sowet-Union freundlichen Senators Bora... или: Die Erfüllung dieser Grundaufgaben der Sowetumwahlen wird der weiteren Festigung der proletarischen Diktatur und der Sicherung der Arbeit des sozialistischen Aufbaus dienen.

г) *Образование новых немецких слов путем дословного перевода с русского*; германский немец в таких случаях лишь угадывает смысл. Примеры: *Umwahlen* (перевыборы); *Landwirtschafttreibende Personen* (лица, занимающиеся земледелием); *Die Diener der religiösen Kulte* (служители религиозных культов) и т.д.

д) *Русская конструкция фраз*, напр. Führung der Kampagne für die Durchführung der Umwahlen. Иногда построение фразы прямо затрудняет понимание смысла, как напр.: Laut Verordnung des Volkskommissarenrats der SSSR vom 16. Okt. 1926 wurde die Ordnung der Bestimmung und des Ersatzes der Verluste von Beschädigung der nutzbaren Landstücke bei Durchführung von topographisch-geodäsischen Arbeiten durch die Vereinbarungs-Abschätzungs-Kommissionen festgestellt. („Gesetz u. Leben“ от 15 декабря 1926 г.)

е) Частое употребление типичных новых русских выражений, как „обратить сугубое внимание“, или милитаризация языка эпохи военного коммунизма, как напр.: es wird ein Gelehrter auf einen Kongress *kommandiert*, die Kooperative hat einen *narjad* auf Butter bekommen и т.д.

ж) Дословный перевод с русского, изменяющий значение слова; напр. выписать книгу = ein Buch ausschreiben = выставить книгу на конкурс; или Die *internierten* Kursanten des Pädtechnikums, или: „Die Miliz arretierte einen *ihr gut bekannten Dieb*“, или „in der Schule setzen sich *drei Schichten* (три смены) *nacheinander ab*“; die *niedriger* stehende Wahlkommission и т.п. (Все примеры взяты из газеты „Nachrichten“ за декабрь 1926 г.).

з) Неправильное применение немецких предлогов, несоответствующих русским предлогам; напр. es wurden zwei Kandidaten *zu ihnen* (к ним) gewählt; *auf* der Sitzung (вместо *in*); *auf* der Dienststelle (вместо *in*); *im* Wege der Kontrolle (вместо *auf*) и т.д. Описанное сейчас влияние на язык немцев Поволжья проявляется, главным образом, в газетах, т.е. с литературно-стилистической стороны наименее обработанной части печати. Притом отмеченные нами явления ничуть не носят случайного характера; если просмотреть, напр., несколько годов издания центрального органа республики, „Nachrichten“, то можно наткнуться на целый ряд еще и других явлений, связанных с вопросом влияния русского языка. Конечно, часть этих явлений просто является последствием отсутствия достаточно квалифицированных работников (так напр. „Nachrichten“ в последнее время печатают более хорошие переводы и лучше обработанные корреспонденции), но другая часть явлений коренится в идейном и непосредственном влиянии окружающей материальной русской культуры и русского литературного языка.

Речь немецкого общественного работника, советского служащего и партийца, также не свободна от русского влияния; они больше, чем все остальные слои населения, соприкасаются с русским населением, бывают в городах, читают русскую литературу. Но с лингвистической точки зрения это влияние как раз имеет меньше интереса; заимствованные этими общественными группами русские слова и фразы почти не подвергаются (за исключением произношения) обратному влиянию немецкой речи, – это просто механическое сочетание двух языков. В разговоре с этими группами или в канцелярии можно нередко слышать такие фразы: Ich hab’*n* большую нагрузку; gib mal’*n* годовой отчет, frag’*n* заместителя председателя и т.п. В разговоре с партийцами часто

слышны слова: бюро ячейки, ответственный секретарь, закрытое заседание, съезд партии, агитпроп, культотдел, секция печати, красный уголок, партучеба, партпроверка, чистка, прикрепление, полиграмма, член партии, кандидат партии, членский билет, взнос, на учет, отметка и т.д., затем все лозунги партии текущего момента – лицом к деревне, режим экономии и т.д. Немецкий канцелярский язык, введенный теперь во всех (за исключением военных) учреждениях немецких кантонов, представляет для лингвиста также большой интерес. Кладя в основу хорошо разработанную книгу инструкций Наркома РКИ Немреспублики, этот канцелярский стиль все же содержит иногда ряд анахронизмов эпохи прусской канцелярии Фридриха II и с другой стороны ряд русицизмов последних лет.

В общем, как немецкий литературный язык колонистов Поволжья, так и речь общественника-агитатора и канцелярский стиль нередко имеют немного неуклюжий характер, но это как раз тот язык и тот стиль, который нужен рядовому крестьянину-колонисту, т.е. подавляющей части населения.

IV.

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Все говоры поволжских колонистов принадлежат к средне-немецкой группе (*mitteldeutsch*). Основным признаком этой группы является отсутствие передвижения звука *p* в удвоении и после звука *m* при наличии его в положении неудвоенного *p* между гласных; говорят *Kopp* вместо *Kopf*, *Topp* вместо *Topf*, *Knopp* вместо *Knopf*; *stump* вм. *stumpf*, *Sump* вм. *Sumpf* и т.д. Во всех средне-немецких диалектах отсутствует *Umlaut*. Колонисты произносят *Stik* вм. *Stück*, *Ribe* вместо *Rübe*, *Geraisch* вместо *Geräusch*. Другим характерным признаком *mitteldeutsch* является отсутствие четкого различия между *звонкими* и *глухими*, а существует какой-то средний звук – *lenis*. Поволжский немец также не знает этого различия, он говорит *Disch* вместо *Tisch*, *dung'l* вм. *dunkel* и т.д. и т.д. или произносит что-то среднее между *b-p*, *d-t*, *g-k*. И наконец четвертый характерный признак *mitteldeutsch* – *b* между двумя гласными или после *r* и *e* переходит в *w*; говорят *glāwə* вм. *glaube*, *halwə* вм. *halber*.

Что же касается дальнейшей дифференциации говоров поволжских колонистов уже внутри *mitteldeutsch*, то имеется два основных типа: 1) восточно-средне-немецкий (*ostmittel-deutsch*), где мы имеем вместо начального немецкого *p* налицо *f*, напр. *Ferd* вм. *Pferd*, *Fann* вм. *Pfanne*, и 2) западно-средне-немецкий (*westmitteldeutsch*), *p* сохранено, выпадает *f*, т.е. *Perd* вм. *Pferd*, *Pann* вм. *Pfanne* и т.д. По территориальному признаку, согласно Марбургского атласа Вреде, проф. Г. Дингес установил для поволжских колоний следующие группы: *рейнско-франконское*, *восточно-тюрингское* и *верхне-саксонское*¹.

После этой краткой предпосылки теперь небезынтересно проследить, как эти особенности средне-немецких говоров отражаются в заимствованных колонистами русских словах.

а) *Звонкие* и *глухие* *b-p*, *d-t* и *g-k*.

В заимствованных словах так же как и в немецких слышится средний между глухим и звонким звук – *lenis*; говорят *sopranjə*, *agobə* (окопы), *basidsjə* (позиция).

б) *b* между двумя гласными или после *p*-л также переходит в *в*: *savakə* (собака; ругательное слово), *kavak* (кабак).

в) *в* часто переходит в *ф*.

Sajaflenjə (заявление); *flasd* на *mesдах* (власть на местах).

г) Отсутствует различие между *з* и *с*, произносится только *с*. Напр. *sajaflenjə*, *sašigalkə* и т.д.

д) *шипящие* – все выражаются одним звуком *š* (ш); *bomošnik*, *slušbə*, *streləšnik*, *leš* (лещ); только *ч* (č) нередко остается: *smičkə*, *nasnačenjə*, *čajnik* (чайник).

Русские *л* и *ль*, конечно, произносятся одинаково немецким *l*, русское *ы* немецким *i*.

1 См. статью Г. Дингеса „Über unsere Mundarten“, in: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk a/W. 1923, S. 60-72. См. там же карту говоров немцев Поволжья. – Все приведенные в настоящем докладе примеры взяты из рейнско-франконского наречия.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ И ФЛЕКЦИЯ

а) *Окончание имен существительных.*

Если заимствованное слово оканчивается на *согласный*, то оно сохраняет свое окончание: *barevos*, *braход*, *kodelog*, *pulomod*. Если же оно оканчивается на гласный, последний превращается в иррациональный звук *ə*: *delegadgə*, *paladgə*, *basilgə*, *bogonə*.

Слова, оканчивающиеся на *ый*, *ий* и обозначающие действующих лиц мужского рода, принимают немецкое окончание *ə*: *rodnə*, *odeljonə*, *een lišnə* (один лишний).

б) *Образование имен существительных ласкательных и уменьшительных.*

Средне-немецкие говоры знают только уменьшительный суффикс *-chen*, а не *-lein*: *Perdchen*, *Stihlchen* и т.д. Уменьшительные русские заимствованные слова также принимают окончание *chen* (в произношении колонистов *je*): *buršuijə*, *puləmodjə*, *kavakje*.

Но в очень многих случаях ради благозвучия заимствованное слово принимает еще звук *l* и тогда мы как будто имеем два немецких уменьшительных окончания: *lein + chen*: *baledkəljə* (от слова палатка), *bangəljə* (баночка), *basilgəljə* (посылочка), *Ješkalje* (Яшка), *lobedgəljə* (лопаточка), *lošadkəljə* (лошадочка).

В некоторых случаях удается установить, что слово раньше было заимствовано немецкими колонистами на юге (говорящими почти сплошь на южно-германских наречиях с уменьшительным суффиксом *lein*) и потом перешло и в речь волжан.

в) *Род имен существительных.*

Как общее правило можно установить, что, если рядом с заимствованным русским словом в употреблении также еще и немецкое слово, то первое принимает род второго: *der* *barəwos* (паровоз, употребляется и слово *der Ofen*); *die* *sopranjə* собрание, – в обращении и немецкое слово *die* *Versammlung*; *die* *čisdkə* (чистка – *die* *Reinigung*).

Слово с окончанием на *гласный*, т.е. в немецком произношении на иррациональный звук *ə*, как общее правило, – *женского рода*: *die* *sajaflenjə*, *die* *bosdanoflenjə*, *die* *rešenjə*, но *der* *vodkə* (водка), потому что в обращении также и немецкое слово *der* *Branntwein*; заимствованные слова на *ый*, *ий* (немецкое окончание *er*) и на *согласный*, как общее правило – *мужского рода*: *der* *refkom*, *der* *saved*, *der* *ispolkom*, *der* *kantkom* (кантонный комитет партии); *der* *bomošnik*, *der* *sabasnə* (запасный).

Среднего рода – очень мало заимствованных слов. Напр. *das* *puləmod*.

г) *Склонение заимствованных имен существительных.*

В единственном числе заимствованные слова не склоняются: напри. Им. – *der* *sajus*; Род. – *des* *sajus*; Дат. – *dem* *sajus*; Вин. – *den* *sajus*.

Во множественном числе имена существительные с окончанием на *согласный* принимают иррациональный звук *ə* во всех падежах. Им. – *die* *sajusə*; Род. – *der* *sajusə*; Дат. – *den* *sajusə*; Вин. – *die* *sajusə*; все слова на *гласный*, также не изменяющие своего окончания (иррац. *ə*) в единств. числе, во множественном числе принимают, как общее

правило, окончание *er*: delegadgər, die basilgər, die baveskər, die nosilgər, die gamisjər (комиссии и т.д.).

д) Прилагательных и числительных очень немного заимствовано, потому что прилагательные употребляются, как наречия. Колонист не любит произносить рядом 2 русских слова (прилагательное с существительным), может быть потому, что это как бы прерывает ход мысли. Колонист предпочитает говорить *dī suxarə vare garoš* чем *das varə garošə suxarə*. Но в более интимных выражениях такие сочетания встречаются, напр. *das var'n garošər davarič* (но говорят и *gudər davarič*). Из числительных заимствовано, насколько нам известно, только *bedak* (пятак), *desedgə* (десяток), *nadsəd* (надцать) означает много раз, и *n'rašjə* (раз – некоторое время).

е) Местоимений, насколько нам известно, нет заимствованных.

ж) *Глагол*.

Окончание неопределенного наклонения *ть* переходит в некоторых случаях в *tse* (напр. *gušatsə* кушать), но чаще всего немецкий Infinitiv заимствованных глаголов образуется из первого лица настоящего времени русского спряжения, плюс окончание немецкого Infinitiv'a *en* (ə) (от воюю – вою + *en* = *vojujə*; *strelajə* от стреляю, стреля + *en*); неопределенное наклонение на *ться* обыкновенно сохраняет свое окончание (*ться* – *tsə*): *sdaratsə*, *barotsə*.

Спряжение: берется Infinitiv и присоединяется окончание немецкого спряжения:

P r a e s e n s

Singular.

Ix vojui, gušats
du vojuišt, gušatšt
er vojuit, gušatst

Plural.

mir vojujə, gušatsə
ir vojuit, gušatst
si vojujə, gušatsə

P e r f e k t

Singular.

Ix han g'vojuit, gəgušatst
du hast " "
er had " "

Plural.

mir han " "
ir had " "
si han " "

Как известно, в народном языке (немецком) употребляются почти исключительно только Praesens и Perfekt. Для образования Partizip Perfekt'a иногда берется форма русского прошедшего времени, напр. в рассказе солдата: *uns'r rodnər un savxos varə tsvai grosə špitsbuvə, si han alləs g'gralld* (украли).

От Infinitiv'ов иногда образуют существительные, которых нет в русском языке: *gulajə* – *gulajər* (от гулять); *valajə* – *valajər* (валять; *valajər* означает растрепанный человек); *krallər* (вор). То же самое иногда происходит и с междометиями: *grisdaradsər* (человек, который часто пристаёт с просьбами – из „Христа ради“); *advajə* (если ребенок начинает ходить – из раз-два).

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

Попадая в немецкую речь, русские слова довольно часто меняют значение. Иногда это изменение идет в сторону *сужения понятия*, напр. под словом *котелок*, *шинель*, *сукно*, *лопатка*, *палатка* и т.п. колонист подразумевает и применяет эти названия *только* к солдатским принадлежностям: *делегатка* – только делегатка женотдела; прием – только прием в больнице; *звонок* и *свисток* – на транспорте, *союз* – только профсоюз и т.д. Иногда это изменение значения, наоборот, идет в сторону *расширения понятия*; так напр.

местами слово *физкультура* приобрело значение нового быта вообще, *удостоверение* – значение всякого документа. Но иногда слово после заимствования получает совершенно иной смысл. Так напр. в фразе: „gib'm sai řešenjə“ слово *решения* (суда) приобрело значение физического наказания. Или слово „metškalje“ уменьшительное от „matškə“ (матушка) означает русскую девушку, но особенно русскую учительницу. Или слово „krepitə“ означало определенный слой зажиточных крестьян, которые после выхода столыпинских земельных законов стояли за ликвидацию общинного землевладения и за *прикрепление* земли в личную собственность. Вообще нужно отметить, что заимствование русских слов зажиточным слоем крестьянства (особенно в больших колониях, где социальное расслоение оказывалось и топографически) было более обильно и шло немного по другому руслу, чем заимствования, имевшие место у бедного слоя крестьян-колонистов.

Наконец нужно отметить еще два явления из области русского заимствования: это, во-первых, соединение русского и немецкого слова для *усиления понятия*; при этом ударение стоит на русском слове, которое также стоит на первом месте, напр. šubəbelts (шуба – Pelz) – особенно тяжелая шуба; raibaidrāx (пай-Beitrag = первичный взнос в кооператив). И, во-вторых, смешение русского и немецкого в поэзии, особенно в народной. На литературном языке напр. особенно известно у колонистов.

Die wunderschöne Winterzeit
Ist очень хорошо!
Es ist bisweilen windigkalt,
Небось, будет тепло!

Из народных частушек напр.:

Drowwe kummt'n Russ g'fahre
Mit dr lange Droschke;
Gudda jedesch? Nabassar –
Bringen Sie Gardoschke!

Таких песен и частушек народная поэзия немцев Поволжья насчитывает немало¹.

Мировая и гражданская войны, революционное движение и советское строительство вырвали наконец колонистов из вековой национальной замкнутости и сблизили их в гораздо большей мере с новой русской культурой, чем это имело место до войны. Это новое русское влияние в *языке* колонистов дало, по предварительным записям, почти 700 слов, из которых часть (специально военные термины) сегодня уже почти что вышла из употребления. Если сюда еще прибавить около 800 русских слов, заимствованных колонистами до войны, из которых тоже порядочная доля (названия царских чиновников, учреждений и т.п.) вышла из употребления, то язык теперешнего поволжского колониста содержит немного свыше тысячи русских слов. Но было бы нелепо утверждать, как это некоторыми и делалось, что говоры колонистов, собственно, нельзя уже считать немецкими, что они представляют собой такой же новый язык, как напр. Pennsylvanischdeutsch (смешение немецкого с английским). Подводя краткий итог нашим наблюдениям над языком немцев Поволжья за последние тринадцать лет, можно установить:

1) Со времени основания колоний на Волге (1764) до начала мировой войны было заимствовано около 800 русских слов, главным образом из общественно-политического

языка старого правительства и из области материальной культуры окружающего русского населения.

2) Мировая война и октябрьская революция вырвали колонистов из их вековой национальной замкнутости; мобилизован-

¹ См. сборник народных песен Erbes J.J. u. Sinner P. Volkslieder u. Kinderreime aus den Wolga-Kolonien... Saratow, 1914, XXVI, 256 стр.

ная (почти) сотысячная армия солдат-колонистов ознакомилась, с одной стороны, с русским языком и русской культурой, и с революционным движением, с другой стороны. Возвратившись домой, эта новая общественная струя не могла не оказывать сильного влияния и на язык колонистов.

3) Влияние во время войны и революции дало около 700 новых заимствованных слов; главными носителями этого влияния были: солдаты старой и красной армий, спекулянты, советско-партийная интеллигенция и канцелярия.

4) Если до войны наблюдалось влияние лишь на язык крестьян, то теперь оно идет по трем направлениям: а) на говоры крестьян, б) на литературный язык и в) на язык советско-партийной интеллигенции.

5) В области морфологии и синтаксиса все заимствованные крестьянским языком русские слова строго подчиняются законам и диалектологическим особенностям поволжских (средне-немецких) говоров.

6) Сильное русское влияние, сказавшееся в послевоенной печати немцев Поволжья, нужно рассматривать, в той части, где оно выражается в дословных, непринятых и неверных переводах и в русском построении синтаксиса, преходящим явлением. Но тесная идейная связь, которая существует между новой социалистической культурой немцев-колонистов и русского населения приносит и безусловно будет приносить все новые и новые заимствования; такое явление весьма нормально и отнюдь не дает повода называть говоры колонистов обрусевшими.

Источник: Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН (Москва), 1929, с. 67-87.